

ность не только не служит разрушающим фактором, болезненно вторгающимся в сферу сказительства, но <...> служит подчас новым и творческим источником последнего». ⁵⁹

⁵⁹ Азадовский М. К. Сказительство и книга. С. 14.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-63-67

© Н. Ю. Алексеева

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД РАЗВИТИЕМ РУССКОЙ ПОЭЗИИ СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА

При изучении творчества отдельных поэтов середины XVIII века и поэзии этого периода в целом на заднем плане маячит вопрос: насколько основательны наши суждения о поэзии этого периода, когда мы строим их на печатных изданиях. Мы судим о поэзии по публикациям в журналах или в авторских сборниках, но, как и во всякую эпоху, в XVIII веке число напечатанных произведений заведомо меньше числа написанных. Само соотношение между рукописной и печатной литературой — важная характеристика культуры. Применительно к XVIII веку вопрос о соотношении изданных произведений литературы и неизданных, распространявшихся в рукописях, еще не ставился. Ближе всего к нему подошел М. Н. Сперанский, стремившийся к максимальному охвату изучавшихся им в течение нескольких десятилетий рукописных сборников XVIII века. В монографии, заверченной перед самой кончиной в 1938 году, ¹ основное внимание он уделяет низовой литературе: фольклору и демократической (недворянской) поэзии и прозе, изучение которой, как справедливо отмечает в предисловии к подготовленному ею изданию книги В. Д. Кузьмина, в 1920–1930-е годы ощущалось как насущная задача науки. ² Книжная поэзия Сперанским специально не рассматривается, о ней кратко говорится лишь в заключении книги, сам ее репертуар приведен в VIII рубрике предметного указателя «Некоторые стихотворные произведения русских писателей XVIII в. в рукописных сборниках». ³ Все указанные в рубрике произведения, за исключением сатир Антиоха Кантемира, были знакомы современникам по изданиям в отдельных сборниках, собраниях сочинений, наконец, в журналах. Сперанский указывает, что это рукописные списки с печатных изданий. ⁴ Наблюдения Сперанского подтверждают и другие, не описанные им сборники. ⁵ Поэтические материалы в них за редким исключением составляют стихотворения, восходящие к печатным изданиям. Таким образом, к нашему знанию поэзии XVIII века рукописные сборники мало что добавляют, но они многое дают для понимания развития поэзии.

Прежде всего благодаря им мы можем судить о вкусах широкого читателя XVIII века. Присутствие в сборниках стихотворения свидетельствует о некоторой его популярности, хотя жесткой зависимости здесь не существует. По предварительным сведениям, наиболее часто в стихотворных сборниках встречаются произведения А. П. Сумарокова. На основании этого с большой осторожностью можно делать вывод о его популярности в среде, которую в середине XX века называли демократической, т. е. недворянской, — среде, в которой в основном и бытовали рукописные сборники. Вкусы разных слоев общества, конечно, не совпадали. Любопытен в этом отношении

¹ Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века. М., 1963.

² Кузьмина В. Д. Предисловие // Там же. С. 3.

³ Там же. С. 168–171.

⁴ Там же. С. 152.

⁵ Их исследование в связи с работой над изданием Полного собрания сочинений А. П. Сумарокова было проведено А. А. Костиным.

пример несоответствия пристрастий к оде Сумарокова «На государя Петра Великого» (1744–1755) в дворянской среде и демократической. И. И. Дмитриев вспоминает ее как любимую в их семье,⁶ а в известных нам сборниках она встречается лишь однажды.⁷

Печатное происхождение подавляющей части стихотворений в сборниках говорит о том, что в XVIII веке сами авторы не распространяли своих стихотворений в рукописях. Конечно, они могли знакомить друг друга с ненапечатанными еще стихотворениями. Отголоски такой практики различимы в творчестве Сумарокова и М. В. Ломоносова в 1740-е годы. Так, Сумароков упрекает Ломоносова в заимствовании из его ненапечатанной еще оды «На государя Петра Великого».⁸ В ту пору оба поэта в разговорах о поэзии, очевидно, читали друг другу свои произведения, менее вероятно, но не исключено, что они делились между собой списками стихотворений. Но даже в этом случае дальше их кабинетов стихотворения не уходили, это был дружеский рабочий обмен результатами, а не распространение собственных шедевров. После разрыва Ломоносова с Сумароковым обычай дружески обсуждать друг с другом стихи в России на какое-то время, возможно, и прервался. Ни о чем подобном не упоминает, например, М. Н. Муравьев, полнее, чем кто-нибудь нарисовавший быт и нравы старших по отношению к себе поэтов (В. И. Майкова, М. М. Хераскова).⁹ Сам же он о стихах думает постоянно и не может, кажется, не говорить о них.¹⁰ Уже в начале 1770-х годов возникает содружество поэтов, с обсуждением стихотворений, с общей работой над ними. Но и замечательные дарования, объединившиеся вокруг Н. А. Львова, не пускают своих серьезных стихов до печати в свет, что для поэтов более поздних эпох будет естественно.¹¹ В этом сказывалось не только отношение поэтов к себе самим, но и к поэтическому творчеству как таковому, к поэзии. Не столько, по-видимому, скромность, сколько отсутствие обыкновения делать ненапечатанное стихотворение достоянием публики объясняет такое положение. Это тем удивительнее, что проза в рукописях свободно распространяется. В 1750–1760-е годы своих стихотворений не посылали, по-видимому, и мэтрам, что станет принято начиная с поздне-державинского времени. Если в архиве Г. Р. Державина отложились десятки стихотворений молодых его современников, в архиве Ломоносова, единственном дошедшем до нас архиве автора середины XVIII века, нет и следа чужих стихотворений. По-видимому, их было немного и в архиве Сумарокова.

Из сказанного следует, что, несмотря на бытование в XVIII веке рукописных сборников, для поэзии необходимым условием существования была печать. Когда не было возможности напечатать стихотворения, поэты середины века либо их не писали, либо писали в стол. Так, Сумароков подготовил четыре книги притчей, и они лежали у него в столе, ни одна из вошедших в них басен не была известна до своей публикации Н. И. Новиковым в седьмом томе Полного собрания всех сочинений писателя. Так же и другие не изданные им при жизни стихотворения получили известность только уже из издания Новикова. В свете сказанного новый смысл приобретает послание Кантемира «К стихам своим» (1743). Судя по всему, лежание «в тени за ключами» было совсем не редким уделом русских стихотворений и в более позднюю эпоху. По спискам

⁶ Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь // Дмитриев И. И. Соч. / Ред. и прим. А. А. Флоридова. СПб., 1893. Т. 2. С. 6–8.

⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 96. № 58/1364. Л. 12–17 об.

⁸ «„Каков не слыхан был от века“. Это взято из моих стихов точно, которые за три года прежде сей Оды сделаны, и которые так написаны о Петре ж Великом...» (Сумароков А. П. Критика на оду // Сумароков А. Полн. собр. всех соч. / Собр. и изд. Н. Новиковым. М., 1782. Ч. 10. С. 84).

⁹ Муравьев М. Н. Мысли, замечания, отрывки // Муравьев М. Н. Полн. собр. соч. СПб., 1820. Т. 3. С. 316–325.

¹⁰ Обсуждением строк наполнены письма Муравьева 1777–1778 годов, см.: Письма М. Н. Муравьева / Публ. Л. И. Кулаковой и В. А. Западова // Письма русских писателей XVIII века / Отв. ред. Г. П. Макогоненко. Л., 1980. С. 259–377.

¹¹ В отличие от серьезных стихотворений, сатирические в рукописях свободно распространяются, чему служат примером «Послание слугам моим» Д. И. Фонвизина, эпиграммы А. С. Хвостова и др.

до издания становились известны редкие стихотворения. К ним относятся, например, поздние «Кузнечик» (1761) и «Разговор с Анакреонтом» (1761) Ломоносова.

Требуется особое осмысление тот факт, что в эпоху, не так еще далеко шагнувшую от рукописного средневековья, поэты придают печатанию своих стихотворений особенное значение. Видимо, печать взаимосвязана со статусом сочинения. Если демократические сатирические повести и вирши — низовая или полунизовая литература — заведомо создаются для рукописного распространения, то поэзии, находящейся на другом иерархическом полюсе литературы, следует быть оттиснутой. Это потому она может переписываться и нечуткими к таким тонкостям, далекими от Парнаса людьми смешиваться в одном сборнике со средней и низовой литературой, но на выходе поэзия должна быть максимально дистанцирована от полусредневековой городской культуры. Желанием авторов размежеваться со старой культурой и объясняется, как кажется, их очевидное стремление печатать свои стихотворения. Ненапечатанное стихотворение выглядит простовато. Рукописный статус стихотворений сам по себе уже свидетельствует о их периферийном месте в поэтической культуре. В этом отношении большой интерес представляют обнаруженные С. И. Николаевым идиллии второй половины 1750-х годов.¹² Их рукописному происхождению соответствует и их анонимность, и архаичность стиля.

Стремление быть напечатанным делает творчество авторов XVIII века зависимым от возможности издания. Поэты пишут, чтобы печататься. Между тем в 1730–1760-е годы издать свое произведение или сборник произведений было весьма трудно, а периодическая печать в эти десятилетия непостоянна. Авторские сборники независимых от Академии и Университета поэтов начинают появляться только к середине 1770-х годов; державинские «Читалагайские оды»¹³ и муравьевские «Оды»¹⁴ среди первых из них. Редкая возможность издаваться самому приводила к тому, что в 1750-е и в 1760-е годы поэзия расцветала в периоды активизации литературных журналов. Очевидно при этом, что авторы отдавали в них не то, что накопилось за годы отсутствия печатного органа, а начинали писать специально для выходявшего журнала. Косвенно это наблюдение подтверждается тем, что журнальные произведения и по своим темам, и по формам между собой весьма близки, что было бы невозможным, если бы они писались в разные годы. Перед нами довольно странная, исходя из литературного опыта XIX–XX веков, ситуация. Поэты могут годами молчать, но лишь только открывается журнал, начинают вдохновенно писать. Такое отношение к творчеству не имеет ничего общего с романтическим, все еще до сих пор единственно нам понятным типом творчества. Как и одописцы, поэты этой эпохи ищут не когда их посещает вдохновение, а когда писать по каким-то причинам надо. Исключения тут, наверное, очень редки, к ним, по-видимому, относится Сумароков. Зависимость творчества от издания помогает понять некоторые странности в развитии поэзии XVIII века. Прежде всего к ним относится его скачкообразность.

Наше представление о развитии поэзии XVIII века основывается на убеждении в его быстроте. Со времен В. Г. Белинского XVIII век мыслится как век великого прорыва, когда русская культура достигла невиданного успеха, за сто лет догнав культуру европейскую. XVIII век оказывается моментом в истории культуры, в котором ценится именно развитие, его интенсивность. Быстрое развитие рисует нашему взору писателей и поэтов, трудящихся не покладая рук с тем, чтобы в короткий срок догнать, наконец, Запад. Восприятию развития культуры как ускоренного роста соответствует наше его понимание по аналогии с развитием биологическим. Мы представляем изменение культуры подобно росту цветка или дерева и, как в случае естественного роста, мыслим развитие культуры непрерывным. В этом можно убедиться, посмотрев любое

¹² Николаев С. И. Русская идиллия 1750-х гг. (Новые материалы) // XVIII век. СПб., 2013. Сб. 27. С. 397–415.

¹³ Державин Г. Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае 1774 года. [СПб.: Типография Академии наук, 1776].

¹⁴ [Муравьев М.]. Оды лейб-гвардии Измайловского полку сержанта Михайла Муравьева. [СПб.: Типография Академии наук,] 1775.

оглавление многочисленных историй литературы последних двух веков. Их авторы, при всей своей разности, накладывают развитие литературы на календарь, подгоняя под столбцы десятилетий имеющийся материал литературы, то чудовищно его растягивая, то с необходимостью сжимая. При этом хорошо известно, что даже по числу строк десятилетие на десятилетие в XVIII веке не приходится. Так, в 1730-е и 1740-е годы оригинальные русские стихотворения исчисляются единицами, в 1750-е — десятками, и только уже к концу века — сотнями. Такая статистика основана на материале литературы (поэзии и прозы), изданной в XVIII веке в свет. О нем мы судим по описанию изданий в «Сводном каталоге»¹⁵ и журнальных публикаций у А. Н. Неустроева.¹⁶ Согласно их данным, первый расцвет новой поэзии приходится на 1755–1764 годы. Открытие первого русского журнала «Ежемесячные сочинения» обнаруживает в России нескольких поэтов. Стихотворения в новых жанрах разнообразят прозу в первые годы выхода журнала. Когда академический журнал освобождается от всякой литературности,¹⁷ в том числе поэзии, стихи начинает печатать следующий, уже студенческий, журнал «Праздное время»,¹⁸ затем первый частный журнал «Трудолюбивая пчела» (1759) Сумарокова. С закрытием «Трудолюбивой пчелы» эстафету подхватывают московские журналы М. М. Хераскова («Полезное увеселение», 1760–1762; «Свободные часы», 1763), И. Ф. Богдановича («Невинное упражнение», 1763) и В. Д. Санковского («Доброе намерение», 1764). В отличие от предшествовавших им петербургских, московские журналы почти исключительно поэтические. Уже не несколько поэтов, как пять–девять лет назад в «Ежемесячных сочинениях», а более десяти печатаются в них. Множество поэтов, десятки стихотворений, новые темы и жанры — все говорит о замечательном росте, расцвете. Но вот последний из московских журналов этого периода «Доброе намерение» закрывается, и расцвет замирает. Следующий журнал, в котором будут не просто печататься отдельные более или менее случайные стихотворения, а поэтическая часть которого будет программной, откроется только через 13 лет, это «Санкт-Петербургский вестник» (1778–1781).

Как понимать наступившую паузу? Отсутствие журналов с поэтической рубрикой в этот период не восполняют отдельные издания стихотворных сборников. Как и в предшествующие десятилетия, в 1760-е годы издать свои сочинения могут авторы, обладающие исключительным служебным положением и связями. Если в 1750-е годы выходили собрания сочинений сотрудников Академии наук Ломоносова и В. К. Тредиаковского, теперь издать свои сборники могут наделенный особыми привилегиями Сумароков и глава Университетской типографии Херасков. А что же другие? Еще вчера беседовавшие с музами, сегодня они спрятали перья, сложили бумаги, надели мундиры и отправились в присутствие. Чрезвычайно важный вопрос: они перестали писать, потому что негде печататься, или журналы перестали издаваться, потому что нечего печатать. Как часто бывает, по-видимому, оба явления взаимообусловлены. Такой спорадический всплеск поэзии, которым отмечены московские журналы, не мог быть долгим: и темы, и формы быстро оказались исчерпанными.

Развитие поэзии наступившего в середине 1760-х годов десятилетия осмыслено много хуже, чем предыдущих и последующих эпох. Нам кажется, что она как-то ускользает от нас. Во многом наша растерянность связана с отсутствием постоянной хроники поэзии — журналов. Теперь вместо философских стихотворений, медитативных стансов, которыми еще недавно пестрели страницы московских поэтических жур-

¹⁵ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1962–1966. Т. 1–3.

¹⁶ Неустроев А. Н. Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 годы. СПб., 1874. Т. 1–2.

¹⁷ См. систематическое исследование журнала: Готовцева А. Г. «Сие есть наиболее полезное для российского общества». Журнал «Ежемесячные сочинения» как российский интеграционный просвещенческий проект середины XVIII века. М., 2019.

¹⁸ «Праздное время, в пользу употребленное» издавался в Шляхетном корпусе в 1759–1760 годах, подробнее см.: Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М., 1952. С. 124–127.

налов, основным жанром становится торжественная ода. Возможно, что расцвет ее в это десятилетие не в последнюю очередь связан с тем, что оду можно издать. Развитие другой поэзии, поэзии мысли и чувства, в 1765–1775 годах замирает. После журналов начала 1760-х годов нам трудно с этим смириться, и мы многое домысливаем, проводя плавную линию, например, от раннего творчества Богдановича начала 1760-х годов к его расцвету в «Душеньке» (1778). Нам почти невозможно представить дискретного развития. Кажется, что, пока мы не признаем его, развитие поэзии середины XVIII века будет оставаться во многом для нас непонятным.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-67-71

© Н. А. Паршукова, © Е. А. Романова

**«ПОСЛЕ ШЕСТИЛЕТНЕЙ РАЗЛУКИ»?
(К ВОПРОСУ ДАТИРОВКИ
«ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК 1847 ГОДА» В. Ф. ОДОЕВСКОГО)**

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится дорожный дневник князя В. Ф. Одоевского, названный следующим образом: «Путевые записки 1847 года». Запись названия отличается от почерка автора и сделана, по всей вероятности, во время переплета и систематизации бумаг уже покойного Одоевского, которыми занимался сначала С. А. Соболевский, а позднее А. И. Кошелев.¹ В фонд библиотеки единицы хранения поступили в переплетенном виде и были описаны в 1884 году И. А. Бычковым (сегодня это опись № 1 фонда В. Ф. Одоевского).²

Полностью документ никогда не был опубликован. Исследователи периодически обращаются к дневнику и черпают из него подробности биографии Одоевского и лиц, с которыми он встречался в пути. Так, М. А. Турьян в ряде статей частично воспроизводит страницы «Путевых записок», разрабатывая сюжет о встрече в Германии Одоевского с В. А. Жуковским. Согласно версии исследовательницы, в 1847 году «после шестилетней разлуки» первый день своего пребывания в Дюссельдорфе 4 (16) августа Одоевский «посвятил другу». «Впечатления этой долгожданной встречи», собственно, и «отложились на страницах путевых заметок писателя».³

Как следует из дневника, в ходе дружеской беседы Жуковский изложил Одоевскому два сюжета, которые в это время занимали его творческое воображение. Первый «в роде легенды»: «Монах бывший духовник Иоанны д'Арк рассказывает [об ней] ея историю».⁴ Второй посвящен «Ахеасверусу» — одному из вариантов легенды о Вечном жиде. Последний сюжет был разработан Жуковским позднее, но не до конца.⁵

После встречи писателей в Дюссельдорфе в том же дневнике Одоевский фиксирует, что Жуковский «перевел всего *Наля*» и «две песни Одиссея».⁶ Логично предположить, что эти факты относятся к разряду новостей. Однако известно, что работа над переводом отрывка древнеиндийского эпоса закончилась значительно раньше: в 1844 году произведение уже вышло в свет. Таким образом, по версии Турьян

¹ См. об этом: *Бычков И. А.* Бумаги князя В. Ф. Одоевского // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1884 г. СПб., 1887. С. 58–59.

² Там же. Прил. 2. С. 1–65.

³ *Турьян М. А.* В. Ф. Одоевский и В. А. Жуковский: Из архивных разысканий // Турьян М. А. Русский «фантастический реализм»: Статьи разных лет. СПб., 2013. С. 212.

⁴ Там же. С. 214.

⁵ Подробнее об этом см.: *Виницкий И. Ю.* Дом толкователя: Поэтическая семантика и историческое воображение В. А. Жуковского. М., 2006. С. 290 и далее.

⁶ *Турьян М. А.* В. Ф. Одоевский и В. А. Жуковский. С. 213. Оригинал: РНБ. Ф. 539. Оп. 1. № 52. Л. 143.